

LITTERARIA

MIROŚŁAWA MICHALSKA-SUCHANEK

Uniwersytet Śląski

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5262-0816>

Беседа с Анной Файн

А.Ф. — русско-израильская писательница. Родилась в Москве, изучала английский язык в Московском государственном лингвистическом университете (бывшем Московском государственном педагогическом институте иностранных языков имени Мориса Тореза). Работала в средней школе учителем английского языка, затем преподавала иврит в подпольном в то время «Союзе учителей иврита». Из Москвы в Израиль репатрировалась в 1991 году. В Израиле вместе с мужем и тремя детьми живет в Бней-Браке. Работает в центре еврейского образования в диаспоре, где ведет большой сетевой проект «Еврейский педсовет on-line». *Хроники третьей автопады* (Одесса, 2004) — ее первая книга. Рассказы Файн печатаются в журналах: «Артикль», «22» «Новая еврейская школа», «Ами» (СПб), «Мигдаль» и др. Она лауреат международного конкурса «Террор и дети» (2005 год).

Мирослава Михальска-Суханэк: После многих лет проживания в Израиле чем для Вас является Россия? Можете определить роль, которая в Ваших произведениях отводится — широкой понимаемой — памяти о России?

Анна Файн: Я люблю Россию как страну моего языка и культуры, но очень опасаясь русского государства. Для меня Россия — не родина. Своей я считаю только мою малую родину — парк Сокольники и берега Яузы. Я родилась там, где когда-то родился мой народ. А рождение моего физического тела вне Израиля — недоразумение. Но русский язык — тот язык, на котором я думаю, и с этим ничего не поделаешь. В общем, все сложно.

М.М.С.: Беседуя с Александром Иличевским¹ Вы поставили следующий вопрос: «Случается ли с Вами, что Ваша еврейская и русская составляющие спорят между собой? Если да, то о чем?» А если Вам пришлось бы ответить на этот вопрос...?

А.Ф.: Мне приходится отвечать на этот вопрос в эпоху постмодернизма, когда у людей много разных идентификаций. Моя дочь служила в армии с девочкой из Галилеи, которая опреде-

¹ А. Файн, *Интервью с А. Иличевским*, www.sunround.com/club/journals/35illych.htm [20.08.2020].

ляла себя как «арамейка, арабка, христианка, израильтянка». Вот и я тоже русская еврейка и израильтянка. Думаю, спор не исчерпан. Если главное в человеке — язык, то я русская, а если главное — религия, то еврейка. Поскольку я по образованию лингвист, я склонна думать, что язык. Тогда я русская. Но быть русской я не хотела никогда. То, что я иногда так себя называю, а приходится называть, поскольку израильтяне определяют меня по языку, — результат компромисса с собой. В общем, русская и еврейка во мне спорят о том, что важнее — язык или вера.

М.М.С.: В этом же интервью Иличевский заявляет: «Наверное, нет более близкого еврейскому сознанию, чем сознание русское. У обоих природа 'мессианского свойства'». По Вашему это так? И в чем суть этого «мессианского свойства»?

А.Ф.: Когда-то при мне рав Штейнзальц сказал, что нет народа, который не считал бы себя избранным, но только русские и евреи готовы страдать ради своего избранничества. Пожалуй, я согласилась бы с этим. Русские были готовы страдать ради того, что казалось им освобождением человечества. И все евреи, которых мы сегодня видим — это те, кто не отказался от еврейства, хотя без него удобнее. Или потомки тех, кто не отказался. Это делалось и делается во имя какой-то высокой цели. Исправление мира, пришествие Мессии — разные люди ощущают это по-разному.

М.М.С.: Многие русские евреи в Израиле, особенно писатели, возвращаются к корням своей культуры, к еврейской традиционной духовности. Одним из первых, кто начал намечать эту тропу был Эли Люксембург, по ней уже многие годы следует Яков Шехтер, придерживаетесь ее и Вы. По словам Шехтера Вы этот свой путь определяете как пост-атеизм²...

А.Ф.: Я бы не сказала, что многие русские евреи возвращаются к традиции. Среди писателей таких много, да. Те, кто любят ковыряться в текстах, любят изучение Торы, и это ковыряние среди букв часто приводит человека к писательству. Термин пост-атеизм придумала не я. Это тема целого ряда научных статей. Пост-атеист, в отличие от религиозного человека, готов включить свой предыдущий опыт в контекст нынешней жизни с еврейской традицией и религией. Его атеистический опыт не мешает ему. Пост-атеист не выбрасывает его, он им пользуется, как инструментом познания мира.

М.М.С.: Героиня рассказа *Чужая голая дупа в моей постели* говорит, что «дала себе клятвенное обещание окончательно

² Я. Шехтер, *Литература грядущего* // А. Файн, *Хроники третьей автопады*, Еврейский Общинный Центр «Мигдаль», Одесса 2004, с. 5.

перейти к ортодоксальному юдаизму». Звучит как будто она просто в какой-то момент жизни приняла определенное решение. Стать религиозным евреем это осознанный выбор пути, результат *взвешивания «за» и «против»*? Или же это сложный процесс самопознания, поиск самоидентификации, своих корней, себя? А может надо это воспринимать как внутреннюю потребность человека или даже своеобразное чудо? Что меняется с обретением духовности — «я» человека?, восприятие им окружающего мира...? Чем, на самом деле, является по Вашему Бааль тшува? Скажите, как Вы пришли к иудаизму?

А.Ф.: Начну с конца. Я долго металась — мне хотелось одновременно наслаждаться миром без границ и, в то же время, создать для себя рамки, внутри которых я могла бы жить. Попросту говоря, мой гедонизм боролся с верой. В какой-то момент я, подобно героине рассказа, приняла волевое решение не метаться больше, а начать жить по-еврейски. Думаю, в молодости мне хотелось всего того, что запретили нам коммунисты. А запретили они западный образ жизни основанный на потребительстве, и религию. И вот я, подобно всем, кто относится к поколению «Р» (мы с Пелевиным ровесники) должна была выбрать — пепси или пейсы. Пейсы победили, но и пепси не сдаётся, бурлит и пенится.

М.М.С.: Эли Люксембург во время лекции *Писатель в свете каббалы*, которую когда-то читал на собрании Союза Иерусалимских писателей, обсуждая роль писателей в жизни общества, отметил: «Внутренний голос внушает нам, что мы влияем, воздействуем на умы и души людей, и это нас наполняет гордыней [...]. Хотя на самом деле единственное, на что писатель способен, это приблизить людей к своей истине. Но ни в коем случае к Истине абсолютной, Истине в последней инстанции»³. Как я это понимаю, суть писательской деятельности — приблизить читателей к своей истине, и все же — как мне кажется — заодно показать/наметить путь к Истине абсолютной. В одесском журнале «Мигдаль» Вы сами писали: «наш человек приходит к религии из полного атеизма. Однако при этом его возвращение происходит на фоне интеллектуального любопытства вследствие чтения разного рода литературы, от художественной и научной до философской»⁴. Уместно ли в таком контексте говорить о прозелитической функции литературы? Иудаизм конечно не входит в число прозелитических миро-

³ <https://www.sunround.com/club/journals/25luxemb.htm> [20.08.2020].

⁴ А. Файн, *Тшува: инструкция по эксплуатации*, <https://www.migdal.org.ua/times/136/31253/> [20.08.2020].

вых религий, это не религия миссионерская, но учитывая, что целевую аудиторию русско-израильской литературы в большинстве составляют нерелигиозные и даже неверующие евреи, кажется, есть смысл с помощью литературы приближать их к вере предков.

Сюжеты Ваших произведений прорастают из истоков еврейской культуры. Они разворачиваются в среде религиозных евреев — выходцев из бывшего СССР, в художественной форме изображают процесс еврейского самопознания, процесс «поиска» Бога и даже своеобразного перевоплощения (напр. Геля в *Колодце перевоплощений*). Вы преподносите читателю некий воображаемый ключ, которым он должен воспользоваться и — как в *Мессии для снежинки* — поворачивать, пока не откроется калитка в новый духовный мир. По моему это и есть — особое, но все-таки — проявление прозелитизма.

А.Ф.: Был период, когда я верила, что можно дать читателю ключ и выпустить его в мир, где он еще не был, и этим раздвинуть его поле зрения. Но *Мессия для снежинки* был написан много лет назад. Сейчас я совсем не миссионер, и даже боюсь, что кто-то придет к религии и будет несчастен. Сегодня я часто думаю о том, что Бааль Шем Тов обещал рай только двум людям на огромном рынке — двум шутам, которые веселили народ. Я все больше и больше ощущаю в себе шута. Если кто-то улыбнулся, читая рассказ «про голую дупу» — я буду рада. Рабби Нахман из Брацлава сказал, что печаль (депрессия) — самая большая проблема людей в наши дни. Наши дни, конечно, наступили в его дни, и продолжают до сих пор.

М.М.С.: Вы ведете авторскую, женскую колонку в, издаваемом в России, ежемесячном журнале «Москва–Ерушалаим». Все рассказываемые там Вами истории непосредственно (или косвенно) касаются религиозных евреев. В этих историях заложен нравоучительный характер, и как правило кончаются они моралью. Кроме наличия в них познавательной функции, которая с точки зрения читателей журнала чрезвычайно важна, чувствуется здесь некий элемент «пропаганды» (это слово я употребляю вне его отрицательного смысла), призыва. Это все же своего рода «попытка помочь найти ключ к калитке в новый духовный мир».

А.Ф.: Это не пропаганда религии, это пропаганда разумного пути внутри религии. Когда я вела эту колонку (уже не веду), то хотела, чтобы женщины не давали собой манипулировать, чтобы они шли, если надо к психологу, а не к раввину, чтобы они думали всякий раз, когда возникает кризис, а не только

молились. Это было выражение моего феминизма. Может быть, очень мягкого и не радикального, но феминизма. Я все время думала о том, как защитить женщин. Особенно молодых, обремененных детьми и необходимостью зарабатывать деньги. Еврейские женщины всегда так жили — работали, зарабатывали и все время рожали, но у женщин сегодняшнего дня нет перед глазами примера мамы или бабушки. Они почти всегда — продукт семьи с одним ребенком. И их отцы не учили Тору, они были защитниками и кормильцами — и только. Женщины не привыкли брать роль кормильца и опоры семьи на себя. Говорят, что из-за феминизма мужчины растеряны. Еврейские женщины, пришедшие к вере, растеряны ничуть не меньше. Они думали, что их сомнения уйдут, когда они уцепятся на веру, но оказалось, что нужно строить новую основу жизни. В готовом виде ты не получишь ее, вернувшись к вере.

М.М.С.: «Да, мы фанатики» — Вы заявляете в *Острове мифического пива*⁵, но в Вашем творчестве фанатизм принимает форму — скажем — своеобразную. Вашим произведениям присущи сарказм, автоирония и комизм — некая здоровая дистанция к ортодоксальному миру, о котором в них повествуется. Наблюдается тоже трезвый, вовсе не фанатический, подход к вопросу места и роли женщины в традиционной еврейской культуре.

А.Ф.: Этот трезвый подход к месту женщины выстрадан. В одном из рассказов Якова Шехтера герой говорит, что в Торе сказано — соблюдай шабат, ешь кошерную еду, постись в посты. Но там не сказано, что нужно быть дураком. Тут я совершенно согласна с автором и его героем. Мне приходилось видеть женщину, которая не пошла к ортопеду, чтобы тот сказал, как выправить кривые ножки новорожденного ребенка. Сначала она хотела пойти к раввину. А к раввину, собравшему базу данных о медицине, стояла огромная очередь. Она дождалась своей очереди через полгода, и он послал ее с ребенком в другой город. Я тем временем пошла к ортопеду в нашем городе, без очереди и без раввина — у меня был ребенок того же возраста, с той же проблемой. Я уже решила эту проблему, когда она только-только взялась за нее — и ей было сложнее, потому что ребенок подросток. Думаю, мой скептицизм на грани цинизма — тоже часть традиции. Рассказы польских евреев о мудрецах города Хелма — тоже часть нашей традиции. Мно-

⁵ <https://www.russianexpress.net/nid/5097> [20.08.2020].

гие поступают, как хелмские мудрецы. Я пытаюсь не быть таким мудрецом. Хотя это самонадеянно с моей стороны.

М.М.С.: Многие события, ситуации, персонажи в Ваших произведениях воспринимаются как образы из Вашей личной жизни, Вашего прошлого. Как героиня *Мессии для снежинки* «тянете за нить воспоминаний», чтобы получить разгадку тайн судеб своих героев. Нередко Вы скрываетесь в образах повествователей, повествование ведется от первого лица... Мне кажется, что если составить все Ваши произведения можно, в общих чертах, воссоздать Вашу биографию, начиная с детства, не исключая сведений про мужа и детей. Этот автобиографизм литературы является элементом Вашей поэтики или Вы придаете этому приему какое-то особенное значение?

А.Ф.: Это моя слабость как писателя — я не умею вообразить чужие чувства, только описать свои. Приходится выкраивать героев из себя, и это, как правило, героини. Кусочки меня. Иногда идеализированная я, иногда, наоборот, только мое злое демоническое начало.

М.М.С.: «Писатель всегда тянет чернила из одной чернильницы. В творчестве каждого автора есть главная, корневая тема. Та, что его по-настоящему интересует. У любого писателя — и самого среднего, и хорошего, и талантливейшего — есть некая формула творчества, посыл читателю, который можно условно сконцентрировать в одной фразе» — это слова, уже здесь упоминаемого, Якова Шехтера⁶. Каковы эти формула и посыл у Вас?

А.Ф.: Я, скорее всего, утратила эту формулу. Когда-то было некое кредо — смотрите, вы идете по улице и заняты своими делами, а у нас тут таааакое... Сейчас осталось только одно желание — заставив читателя улыбнуться.

М.М.С.: И еще несколько вопросов, имеющих более общий характер. Как определить русскоязычную литературу, которая создается в Израиле? Это литература еврейская? русская? русско-израильская? Вот например Шехтер в очерке *Литература грядущего*, помещенном как вступление к Вашим *Хроникам третьей автопады*, пишет о «еврейских книгах на русском языке»⁷...

А.Ф.: Есть еврейские писатели, пишущие по-русски, есть русские, и есть израильские. Хватает всего. В какую сторону пойдет вся литература, создаваемая по-русски в Израиле —

⁶ Я. Шехтер, *Поиск порядка — это поиск Всевышнего* (собеседник — А. Мамедов), «Московский книжный журнал», <http://morebo.ru/interv/item/1361954340513> [20.08.2020].

⁷ Я. Шехтер, *Литература грядущего*..., с. 3

трудно сказать. Она не пойдет в одну сторону. Марша не будет. Каждый будет писать по-своему и о своем.

М.М.С.: «Последние годы я писала и выбрасывала, сначала — в мусор, потом — в интернет» — можно прочитать на Вашем интернет-сайте⁸. Ваши произведения доступны в сети, Вы тоже активны в социальных сетях. Блогосфера вообще динамично развивается. Какое место — по Вашему — в новейшей израильской литературе на русском языке отводится блоголитературе? Неужели ее будущее это имеено сетевое пространство?

А.Ф.: Я веду блог. Сначала это был ЖЖ, потом Фейсбук. Я захожу туда, чтобы смешить людей. Все свои юмористические стишки я кидаю именно туда. Случается, я пользуюсь блогом как записной книжкой писателя — беру оттуда удачные наблюдения и фразы для рассказов. Но я не слишком удачный пример плодотворной жизни в блогосфере. У нас в Израиле есть потрясающая писательница-фантаст Ольга Фикс. Она пишет по-русски, и очень популярна в России. Так вот, она обсуждает с будущими читателями некоторые сюжетные повороты из недописанной книги. Диалог с читателями ей нужен для творчества. Это редкий пример. Большая часть авторов скрытные люди. Они боятся блогов, считая, что истинный писатель по-прежнему должен сидеть в башне из слоновой кости. Я не думаю, что литература уйдет в блоги. В блоги уйдет писательская кухня — записные книжки, тусовки авторов. Вся эта доселе скрытая от читателя кухня теперь открыта. Как в ресторане, где можно наблюдать, как повар готовит для тебя.

М.М.С.: Роман Кацман в своих научных трудах доказывает, что новейшая русско-израильская литература утрачивает черты литературы маргинальной и периферийной. Это происходит в основном благодаря многоаспектному процессу демаргинализации, который динамично развивается в последние два десятилетия. Постепенно творчество «русского Израиля» приобретает статус автономной литературы, которая действует в отдельном культурном мире, вне структур, определяемых центрами и периферией. Как Вы к этому относитесь?

А.Ф.: Думаю, для авторов, пишущих на иврите, мы по-прежнему маргиналы. Они, скорее всего, даже не подозревают, что в Израиле живет такое количество русско-пишущих. Тем более, не знают, сколько здесь известных русских писателей — лауреатов Букера. Так называемые русские все еще живут

⁸ <https://www.sunround.com/club/authors/feinanna.htm> [20.08.2020].

на своем острове. Я поверю в то, что мы не маргиналы, когда нас начнут переводить на иврит. Насколько я знаю, на иврит не переводили даже тексты Дины Рубиной. Якова Шехтера — не переводили, Ольгу Фикс — тоже. Кстати, один из немногих, переведенных на иврит, букеровский лауреат и житель Ашкелона, Рубен Гальего, как-то сказал: «Я — культовый писатель. У культового писателя немного читателей».

М.М.С.: И последний, кажется ключевой, вопрос. Как вы оцениваете перспективы русско-израильской литературы? Писатели — дети репатриантов из Советского Союза — уже пишут на иврите...

А.Ф.: Не все. Рита Коган, к примеру, переводит на иврит русскую литературу. Книги для детей — Пушкина, Одоевского. Эти книги издают. Моя дочь, не владеющая русским свободно, пытается его учить. Читает по-русски, пока только адаптированную литературу. Русский — большой язык, то есть, в мире живет много людей, понимающих этот язык. Думаю, всегда будет кто-то, кто читает и пишет по-русски. Интересно, о чем они будут писать через двадцать лет. Кроме того, пишущие на иврите дети репатриантов, вероятно, будут писать про родителей, и тащить в свою прозу их культуру. И непременно появится новый критик, который скажет, что это субкультура — русская литература на еврейском языке.